

ВАСИЛЬ МАХНО

**ЧАСТНЫЙ КОММЕНТАРИЙ
К ИСТОРИИ**

перевод с украинского
Станислава Бельского

Днепр
ГЕРДА | 2018

Василь Махно

родился в 1964 году в городе Черткове Тернопольской области, окончил Тернопольский педагогический институт и аспирантуру при нем. Защитил диссертацию по творчеству одного из крупнейших украинских поэтов двадцатого столетия Богдана-Игоря Антонича (1909–1937). Преподавал в Тернопольском и Ягеллонском университетах (Краков). Автор более двух десятков книг стихов, прозы и эссеистики. Издал двенадцать поэтических сборников «Схима» (1993), «Одиночество Цезаря» (1994), «Книга холмов и времени» (1996), «Февральские элегии и другие стихи» (1998), «Плавник рыбы» (2002), «38 стихотворений о Нью-Йорке и кое-что другое» (2004), «Cornelia Street Café: новые и избранные стихотворения» (2007), «Письма зимы» (2011), «я хочу быть джазом и рок-н-ролом» (2013), «Велосипед» (2015), «Иерусалимские стихи» (2016) и «Бумажный мост» (2017), два сборника эссеистики «Парк культуры и отдыха имени Гертруды Стайн (2005) и «Катилась торба» (2011), книгу рассказов «Дом в Бейтинг Голлов» (2015). Переводчик польской, сербской, немецкой и американской поэзии XX века. В его переводах вышли две книги польских поэтов Збигнева Херберта и Януша Шубера. Участник международных поэтических фестивалей. Стихи, эссе и драмы переводились на многие языки, в частности, на английский, иврит, идиш, испанский, литовский, малайский, немецкий, польский, румынский, русский, сербский, чешский и другие. Отдельными книгами стихи, эссе и рассказы издавались в Израиле, Польше, Румынии, Сербии и США. В 2016 году о Махно снят документальный фильм «Дом на семи ветрах. Портрет Василя Махно» (реж. А. Фразе-Фразенко). Лауреат нескольких премий, в частности Международной поэтической премии «Повелье Мораве» (2013), премии «Книга года ВВС» (2015). С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Частный комментарий к истории

«И одни народы пошли на север
а другие – на юг.
И они разминулись на тысячу лет
и те что пошли вперёд
оставляли за собой города и сёла
могильники и разбитую посуду
а те что опоздали –
подбирали за ними тишину» –

прочитав это в книге
с коваными серебряными наугольниками
и застёжкой которую замыкали на ключ

ты так и не понял к каким народам
себя причислить

ибо этот зазор в тысячу лет
который образовался –
когда одни повернули на север
а другие на юг –
сохранил лишь песчаный ветер

и ты разгадываешь тёмные слова:
и слышишь – приглушённое ржание
встревоженных лошадей

* * *

когда-то ты блуждал по холмам
когда ты блуждал?
возможно когда прочёл послание
к Иегуде Амихаю
и представил песчаные изгибы
каменистой земли где кусты и деревца
как поредевшее войско укоренившееся
чтобы задержать чужаков и песок

каждое слово запишешь на плавнике рыбы
кто-нибудь выловит её и увидит уцелевшие буквы
— догадается — что твой язык не выучить никогда
твой народ стряхнули как крошки со стола
и ты один помнишь слова которые не знает никто
и эти слова — пепел —
и ты — завершение — своего рода

когда-то ты блуждал по холмам
спускался в долины
когда ты спускался?
может быть когда не оставалось еды и питья
ты ловил запах дыма из ближайшего селения
но заходя туда не мог никому пояснить
что ты хочешь
чужаков не любят нигде — а ты не был похож
на этот народ

никто не дал тебе даже крошки хлеба
все показывали руками куда-то в сторону холма

а рядом: их псы хлебали утренние помои
и дети бежали за тобой — когда ты уходил прочь

Хроника путешествий муравьёв-библиофилов

В первый день они заметили огромный холм и там
между коричневых линий белели слои сахара

все отправились на штурм холма

В другой день – холм раскрылся –
белая площадь увеличилась
легче стало карабкаться наверх – и кое-кто из них добрался до
белого плато но оказалось что *белое* вовсе не сладкое –
и к тому же испещрено чёрными
значками – поначалу они решили что это могильник
их родичей
и предшественников
но потом – кто-то из старейшин рода это оспорил

В какой-то из следующих дней подавляющее большинство мурашей
покинуло золотые тиснёные буквы
и телячью кожу использованную для переплёта издания
– им особенно не понравился запах –
и рвануло на кухню где всегда было можно
чем-нибудь поживиться

и лишь несколько прощелыг осталось
рассматривать дивные знаки похожие на них самих –
рыжеватых мурашек – словно помеченных тонкой кисточкой
китайского каллиграфа

и когда они остановились на слове Ant
кто-то очень торопился – и прикрыл книгу
и положил на полку

и почти через год вернулся
к этой книге и этой странице
сразу же заметив что слева от слова Ant
ржавеет несколько золотистых пятен и их не вытереть
это были души тех смельчаков

на столе – как всегда – белели кристаллы сахара
и довольные муравьи бежали врассыпную со скоростью света

Флейта

1.

флейта:

воздушная рыба

но никто не верит что она летает

она

лимонная молния

поэтому не каждый может удержать её в руках

:и целовать розовые лепестки её губ

:и различать сто тысяч бабочек её голоса

2.

её мелодия – виноградная листва

на гербах августейших родов –

лёгкий запах французских духов –

рассевшихся как мотыльки

в каждой ложбине на лицах красавиц

и когда они испуганно взлетают – их прокалывают

иглами желания мужчины – и носят на лацканах

как золотые украшения

её мелодия – осенние дымы и картофельная ботва – её сгребают

ночью – дети уносят сухие стебли и становятся поодаль –

всё пахнет картофелем – сырой землёй – дымом

все звуки связаны этим постоянным старанием

выжить – и став лицом к огню преодолеть страх

голода – удерживая картофелину как звук –

и не знать откуда это приходит

её мелодия – пенал подземного перехода – где двое

студентов целуются сидя на его плаще – словно в лодке –

что-то имитируют из Кама-Сутры – у них рубашки

навыпуск – а она время от времени поправляет

растрёпанные волосы – и смеётся – снова и снова

застёгивая пуговицы на джинсах – и показывает

ему язык

Нитка

ниткой шерсти проползаешь
сквозь маленькое
ушко иголки
в эту жизнь

и сразу
убегаешь
от этой жизни

ниоткуда и – наверное – в никуда

так ты когда-то выполз
из утробы матери

мышцы её живота
извергли тебя
как вулкан магму
и ты сразу съёжился
от холода
и одиночества

ушко всё время сужается

– укорачивается –
– истончается –
эта нитка

ищешь ключ
чтобы замкнуть
за собой двери

от чего ты хочешь отгородиться

и прищемляешь нитку
жизни

сначала для того
чтобы вырвать
молочный зуб

потом
чтобы завязывать узелки
потому что можешь о чём-то забыть

потом узелки сосчитать
невозможно

верёвочка
превращается в
грубые узлы потерь
и тоненькая нитка шерсти
становится канатом
и всё меньше сил его волочить
за собой

с ним уже
в игольное ушко
никак не втиснуться
словно в битком набитый
автобус

и остаёшься на остановке
один

следующий автобус
как всегда опаздывает

* * *

9/10

никогда не будет написано и сказано
лишь передумано
обопрись о косяк
в кофейне
после шумного застолья с друзьями
когда перечитанные наизусть Ли Бо и Ду Фу
исчезая в кругах сигаретного дыма
улетают в Китай
сквозь окно иероглифа
куда же как не домой

и тебе надо домой идти
так трудно вставать по утрам
и вспоминать о
9/10

1/10

написанное
или мысли о написании чего-либо
ещё греют тебя
словно крепкая водка
которую ты влил в себя
преодолевая отпор организма
стиснув зубы
обнюхав лимон и сказав: пошла

1/10

останется: на салфетках
на оборванной газетной бумаге
на манжете белой рубашки
на смятой сигаретной пачке
для:
мусорников
вместо носового платка
для стиральных машин
для мышиного помёта

9/10 и 1/10
эти пропорции
постоянно сопровождают тебя
как слуги
или охотничьи псы
рычащие
на твоих метафизических лисиц
коиими ты отдекорировал
столько стихов

эти псы – 9/10 –
постоянно охотятся на лисиц – 1/10 –
не дают им показаться из нор
а ещё гравитация времени
сожмёт числа к примеру с 1/10 до 0.01
и только мышиный писк
и их физиологическая надобность часто испражняться
оставят след на твоих рукописях
которые – разумеется не горят –
но лучше бы им сгореть
чем стать местом
для экскрементов
тех симпатичных созданий
на которых ставят ловушки

и твои напуганные лисицы
пролетая над городом
своего страха
будут махать хвостами
и сотрясать воздух
отгоняя мышей
от изгрызенных книжек

и от города
пропахшего
дымом и блевотой

лисиц вознесёт
западный ветер выше и выше
пока они
не исчезнут

потянув за собой
рыжую нитку
последнего слова

Совет как лучше записывать стихи

один твой глаз читает кириллицу
а другой – латиницу
кто-то записывает стихи слева направо –
Иегуда Амихай писал справа налево
золотые китайские поэты записывали в столбик:
эти несколько чёрных зёрен циннамона
не лишняя приправа для кухни мировой поэзии

но независимо от времени (в котором жили)
– способа писания –
азбуки (которой пользовались)
– все любили: вино и женщин – цепи гор –
жареную рыбу – салат из красного перца
– тратить деньги и не возвращать долги –
все были ловцами звуков
– большими детьми с сетками
 для ловли рыбы и бабочек –
или законченными алкоголиками
безнадёжными наркоманами
сексуальными извращенцами –
нарциссами – одиссеями – орфеями

одни писали пером
– другие резали себе жилы – и макали в загустевшую
от алкоголя и наркотиков кровь
– цыганскую иглу –
хоботок сонной пчелы
– но независимо от жидкости которая засыхала
на бумаге или манжете рукава –
 любым способом записанная
поэзия становилась цветом и звуком
помётом – блевотиной
и сукровицей

иногда
из какого-то иного пространства
падает умирающая пчела
на подоконник твоего дома;
и пока – лёжа на спине – она разгребает вязкий осенний воздух
ты отречёшься от всех советов как записывать стихи
ибо наблюдая: как готовятся яхты покинуть эту бухту
и – как моряки – прощаются со своими временными любовницами
и – как расплывается мазут вниз головой – словно мертвец – по воде
и – как тысячи саксофонов – знаками вопросов – переваривают
в своих желудках зелёный помёт музыки
и – как по тончайшей струне скрипки пробегает электрический ток
который испепеляет наименьший бунт фальшивой ноты
ты знаешь:
что идти по этому мостику
выложенному полным месяцем
на парчовом теле воды
опасно

и поэтому любой совет окажется неуместным

кажется кто-то это уже попробовал

* * *

украинский поэт

должен писать рифмованные стихи
пошли вы...

тянуть на себе черепашую ношу искривленной истории
болезни с подозрением на алкоголизм

хотя
можно в 12 ночи вползти в раковину мастерской
приятеля и пить с ним до утра закусывая запахом свежей
масляной краски, опилок, подрамников
забыв позвонить жене, просто так, на всякий случай...

с утра торчать у магазина вместе с вороньём пришитым
чёрными пуговицами к пальто снега
и как дадаист упражняться с корнями слов доходя до
полного абсурда – алкоголь продают с 11-ти –

знать что эстетика треугольных кругов и эллиптических квадратов
замкнётся в чёрном квадрате
– а в глазах и правда чернеет –

читать специальную литературу об алкоголизме – и удивляться
скольким из наших не повезло

вспомнить что и шевченко был тоже...
и полчаса быть счастливым от сравнения

не вспоминая:
бодлера – цветочника
верлена – рембо – парижских богемников
элиота – банкира бесплодной земли
паунда – радиокомментатора и психа
(по убеждению американских военных)

на реках вавилонских уже ничего не высидишь
– ты ведь не утка –

на берегах сены: 14 тысяч художников
нарисуют чтобы продать
джоконду: голую или с бородой – неважно
лишь бы не узнал её да винчи – *он не слышал о copyright-e* –

на междуречьи гудзона и ист-ривер –
потом в нью-Йорке – голубем небесным –
знаешь из последних новостей что 138 тысяч наркоманов
трижды в день занимаются иглотерапией –
а гомосексуалисты и лесбиянки – братья и сёстры
милосердия – любовью к ближнему

а гебраи ожидают мессию

что же остаётся:
неоплаченные долги
вызов в суд
билет до белграда

– ручка – бумага
– засохшие чернила – чёрная кровь компьютера –

и эта наркотическая зависимость: записывать слова
– когда морфология похожа на морфий –

не боишься ли передозировать?

– спрашивают –

ибо занимаются любовью в искусстве одноразовых шприцев
с засохшей человеческой кровью

Кастраты

никогда бы не подумал
что голос оперного певца
напрямую зависит от размера его яиц
а может от химического состава спермы
но никак не от длины его горла
или какого-нибудь ещё физиологического фарша

с 17 века на оперную сцену вышли primo uomo
собственно они появились потому
что папа запретил петь женщинам
а женских голосов очень не хватало

шустрые дельцы от оперы быстро сориентировались
и стали кастрировать мальчиков в том возрасте
когда происходит ломка голоса

дошло до того что кастраты намного чаще
исполняли альтовые партии
ибо после кастрации чистый небесный голос
оставался уже на всю жизнь

голосистых мальчиков отбирали
между 8 и 13 годами

перед операцией накачивали их опиумом
и усаживали в ванну с разогретым молоком
вырезали семенники
и таким образом спасали божественный голос
если операция оканчивалась успешно то primo uomo
становился бесплодным на всю жизнь
но не импотентом

выгода очевидная – опера
получала первоклассного певца
а общество избавлялось
от ещё одного самца

понимание греха отсутствовало
ведь сознательно или бессознательно
сам папа способствовал делу
этим своим запретом

О Гамлете

Гамлет переходит из театра в театр

(наверное из-за сложного характера)

оставляя ослов-режиссёров

в полной растерянности:

читать ли так *тот монолог*

или же так не читать

их советы запутывают актёров

актёры запутывают зрителей –

те тоже стараются понять:

откуда появляется и куда исчезает тень Отца –

что говорит покойный король сыну –

почему предательство такое скользкое – как змея –

почему бедный Йорик счастливее тех

кто смотрит на его череп

отброшенный башмаком Гамлета

и глупость людская – вместе с Гамлетом переходя

из театра в театр

плодит –

:полки режиссёров

:дивизии актёров

:армии зрителей

:придурковатые комментарии шекспироведов

и театральных рецензентов

и это невозможно преодолеть

- 1) офелия – девочка из предместья –
сидит на берегу океана – добавляю приливы сомнений –
и отнимаю отливы уверенности –
наверняка запутаюсь в расчётах
никогда не знал математики –
никогда не верил что меч продолжение жизни
а стебель продолжение смерти –
что ангелы небесные когда собираются в стаю
похожи на сводных братьев – что им делить? – чей жребий?
- 2) цветок офелия – арфа офелия –
я ещё не придумал текста
чтобы защитить её тело и звук –
в пьесе этого нет –
вот почему так нервно допевает она свою песню –
в этой песне ангелы бросают жребий

Состоялась премьера Гамлета:

газеты с рецензиями использованы по назначению

город: думает что поумнел *на одну сотую гамлета*

актёры: что сыграли лучшие роли в своей жизни

офелия: что освободилась – и превратилась в звук

режиссёры: что им уже не удастся

повторить такие изыски
фантазии (и что такое театр если не изыск фантазии)

и лишь пьяные бутафоры считают: слишком много мусора
слишком много актёров – слишком много окурков

слишком много слов
о словах

премьеры они не видели
и вряд ли когда-то увидят

ведь заходят в театр с чёрного входа
почерневшие от спиртного

и всё-таки
быть или не быть?

Smoking room

в местах для курения
человек читающий
открывает для себя *человека пишущего*
надписи (по большей части) анонимные
банальные
дурацкие
и непристойные
но правдивые

– как энциклопедические
названия –

безусловно
всё это написано
энциклопедистами

неважно:
что метафоры
непритязательны

формы: примитивны

изречения: лаконичны
но откровенны
и насыщены

разговорной стихией

наверняка более важно
что
«здесь были поццо, владимир и эстрагон»
зачёркнуто
и добавлено *«они все поцы»*

и ещё *«беккет х..»*
ведь это он всех заставил
ожидать Годо
который так и не появился

«театр – абсурд» – резонно

«мир – театр, все люди – бляди»
может быть и так

не придерживаясь каллиграфии
кто-то сообщает что
«Л.А. даёт каждый вторник тел. 235-76-51»

ниже кто-то поправил:
«она не даёт, а берёт в ...»

вероятно оба уже воспользовались
её услугами
и поэтому охотно
информируют всех остальных

банальности вроде:
«зина я тебя люблю» (без запятой)
или *«я хочу с тобой е.....»*
почему-то трогают до слёз

милые стишата
с порнографическими граффити
старательно изукрашены
попутными комментариями

лексикон тайных знаний
и скрытых страстей
(преимущественно по-русски)
пересыпан

тюремным фольклором
с кодексом чести
каждого настоящего пацана
с брошенным сквозь зубы
«бля, буду»
завершающим
это панно
в стиле Поллока

места для надписей
предостаточно,

можно добавить что-нибудь
от себя:

«дурак»

«сам дурак»

«кастрат и пиддаар»

«сам такой»

эти непринуждённые

диалоги

человека мыслящего

и одновременно *пишущего*

перекочевали

в интернет

с невинным призывом

«А вы посетили Чат сайта...?»

но там не покуришь

и если вы никогда

не курили

то Smoking room

для вас будет

просто курилкой

закрытой зоной

табу

хотя для другой

части человечества

библиотекой

местом для чтения

и творчества

Прощание с иллюзиями

наша жизнь – это прощание с иллюзиями

их накапливается к 40 столько
что остаток времени тратится в основном на прощание с ними:

что поэзия – это не проза а проза – не поэзия
что снег – это не вода а вода – не снег
что элементарное – это сложное
а сложное образуется из элементарного

*что первый сексуальный опыт в грязной общаге
это не впадение в бесконечность а только скрип металлической кровати
который слышен в соседней комнате
так может это музыка жизни?..*

*симфония которую исполняют только два инструмента – обнажённые
молодые тела – которые приглушают колючую музыку ритмических
движений
а потом разговаривают обо всякой ерунде
и курят одну на двоих сигарету
пуская дым под потолок*

*её спина словно осыпанная маковыми зёрнышками
её запах пота от которого кружилась голова
теперь так не кружат голову изысканные красавицы
облитые «Chanel №5»
или духами от Gucci*

что украинское – это не европейское
польское не немецкое
албанское не сербское
что несколько стихов Целана ценней собрания Леси Украинки
для кого? – спросят патриоты
и обвинят тебя во всех грехах

что предназначение литературы – это не предназначение кофеварки
и чем дальше тем больше людей выбирают из них кофеварку

а что делать тем кто постоянно пьёт чай?

может иллюзии – это города

которые строятся для того чтобы их разрушать
или чтобы их засыпал песок жизненного опыта и усталости?

она запивала таблетки ркацители
носила в сумочке всякий хлам
пользовалась жуткой помадой выковыривала её пинцетом
которым выщипывала брови и волосы на ногах

время прощания с иллюзиями приходит тогда

когда ты насытился всем:

барокко – рококо – натурализм – модернизмом – постмодернизмом
способен отличить Элиота от Паунда – Пикассо от Матисса
время от безвременья – зерно от мякины

*когда на её спине ты собирал языком маковые зёрнышки пота
и приклеивал слюной мягкие светлые волоски к струне хребта
она всегда спрашивала: люблю ли я её
она боялась забеременеть*

*вставала – наливала в грязный стакан сухое вино
глотала противозачаточную таблетку
и не стыдясь поглаживала себя ниже живота
говоря: снова будут месячные*

*и у нас впереди новый месяц любви
это было самое важное что может быть в этом мире*

но время прощания с иллюзиями это тоже иллюзия

Автомобильная эротика

в этом путешествии по стране твоего тела
на самом деле мне не нужны
ни водительские права
ни знание правил дорожного движения
ни – в конце концов – соблюдение этих правил

я давно выучил
что от двух холмов с голубыми прожилками
сосков
сторожевых башен

можно съехать по гибкой линии живота
вплоть до колодца пупка
а ниже – засушенный плод раздавленной
шелковицы
прилип
чёрной и жирной точкой родинки

дальше – шёлковый лес
и долгая дорога

по ней нужно ездить
туда и обратно
туда и обратно
туда и обратно

стоит иногда переключать скорость
ведь электрический ток движений
может испепелить

наши тела

они – и в самом деле – когда-нибудь станут углём
и масляной чёрной нефтью

Шляпа Никиты Стэнеску

чёрная шляпа Никиты Стэнеску напоминает чёрную птицу
вылетевшую из гнезда квашеной капусты – из его языка
и кружащую над головами поэтов

Радомир Андрич носит эту шляпу – словно жбан с водой
в пустыне –

держит птичью ногу шляпы

(ибо это птица) в одной руке –

а другой разогревает прозрачное тело ракии

и понемногу рассказывает о сербском средневековье

шляпа Никиты Стэнеску прижмурив глаза –

сложив крылья как херувим –

тихо дремлет –

шляпа привыкла к Андричевым лясам

и поэтому может отдохнуть

фетровая ткань опоясана чёрной траурной лентой

– чёрным языком смерти –

поэты разговаривают на этом языке –

пишут на нём и после смерти становятся

чёрной парчой этого языка

поэтому Никита Стэнеску сидит вместе с нами в баре

и пьёт чёрное вино

но ничего не говорит нам и для многих он невидим

поэтому некоторые не знают что Никита рядом

им видна только чёрная фетровая шляпа

хотя несколько посвящённых знают что шелест кукурузы

это шелест его херувимских крыльев

ничего уже нам не скажет Никита Стэнеску

его шляпа становится: то львом –

то волком – то орлом – то ангелом

и нас разделяет жёлтая моча осенней кукурузы

и чёрная парча херувимского крыла

и замотанный рот ангела

что-то хочет нам сказать

но воздух белой известью забрызгивает нам уши

и мы знаем только одно: пить чёрное вино

ибо нам не позволено слышать эти слова

Землетрясение

Когда они зашли в бар чтобы промочить горло красным вином
была половина седьмого

за несколько часов до этого ангелы как санитары сбивались
в ангельские команды
чтобы транспортировать души погибших

ангелов смерти в этот раз было призвано больше
чем ангелов-хранителей
когда они пили вино то не знали ни об ангелах ни о том
какие из них прилетят и за кем

вина в баре хватало – но почему-то Господь решил прочистить
человеческий виноградник и
встряхнул часть Бухареста так что даже Триумфальная арка
скособочилась

дома разламывались как хлеб – и виноградные косточки
человеческих тел падали на бетон
земля качалась под ногами как лодки в шторм – а городские
и церковные мыши убежали
в поля – и за ними неслись остервеневшие собаки
и перепуганные коты

один из них что-то заметил когда стакан с вином который
он собирался поднести к губам
почему-то легко сдвинулся в сторону по столу словно
под чьим-то гипнотическим взглядом
он даже не успел сказать об этом приятелю потому что
из проломленной крыши бара

крепкие крылья ангела смерти сжали его и он задохнулся
в белом габардине перьев
кресло того что был ещё жив отлетело к противоположной стене
– и он очнувшись

от лёгкой контузии через несколько часов – увидел
лёгкий луч фонарика и услышал собак

он попробовал крикнуть – но его голос – засыпанный
пылью от разрушенных стен
потерял силу – и как ни старался ангел-хранитель
помочь ему в эту минуту –
он только прокашлялся

кровь с его лица слизывал пёс и тёплая слюна пахла
домашними сливами – тогда
ангел-хранитель передал его санитарам в белых халатах
и одним глотком допил его вино –
он тоже устал в эту ночь слишком трудным оказалось
ночное дежурство

Dacia 1300

это было при Чаушеску и когда рухнули старые дома
по Бухаресту ездили на запряжённых в возы коровах
и лишь птицы кружившие над страной были свободны

эту машину купил его отец на деньги которые ежемесячно
платила ему Сикуритате за доносы
тогда машина была новой и все завидовали

в эту ночь он ехал с девушкой подсвечивая фарами город
электроэнергию продавали за границу
обменивая также на валюту и право выезда для евреев

тогда каждый хотел быть евреем чтобы уехать
и каждый хотел жить в Париже все знали французский
не хуже чем Тристан Тцара или Мирча Элиаде

она сидела рядом заплаканная её беременность раздражала
он попросил чтобы она дала прикурить сигарету
а потом затормозил выбежал из машины и пинал что есть
силы колёса

круглые как её живот

SS Brandenburg 1913 год

Корабль *SS Brandenburg* отправляется
в плавание в 1913 году из Бремена –
на борту 944 пассажира –
из списка пассажиров видно что почти вся
Европа плывёт в Америку
плывут русские – евреи – сербы – хорваты –
литовцы – венгры –
и рутенцы – сиречь украинцы – из Галичины
граждане Австро-Венгрии
Может это была мифологическая Европа которая
спасалась на быке
под названием *SS Brandenburg*?

Корабль плывёт в Филадельфию

Среди пассажиров две молоденькие девушки:
Махно Ева 18 лет незамужняя
место остановки в Америке – Детройт
и *Зень Анастасия* 18 лет незамужняя
место окончательной остановки – Филадельфия
обе из села Дубно неподалёку от Лежайска

*Из этого села родом мой отец
знаю что семьи Махно и Зеней были
в близком родстве*

Могу только строить догадки о том как они
выехали из Дубно – наверное в Краков –
а оттуда по железной дороге до Бремена
возможно до Кракова они доехали на лошадах
в Бремене пересели на корабль –
получили самые дешёвые каюты
и впервые – увидев океан – были
обеспокоены путешествием

но молодость и магическое слово Америка
придали им уверенности

и ещё недвусмысленные взгляды
их ровесников может Спилбергов а может Обрадовичей

убеждали в том что необходимо
держаться вместе и ни с кем не разговаривать
так им – в конце концов – наказывали дома

но разноплеменная Европа ела – смеялась –
грустила – влюблялась

дети гонялись друг за другом – рассматривали Атлантику –
чаек – альбатросов – океанский закат солнца

многих тошнило и они блевали

Окончилась первая неделя путешествия
понемногу пришли в себя
перезнакомились и начали рассказывать
кто куда и к кому едет и какой они
воображают Америку

Ева и Анастасия сошлись то ли с поляками то ли с евреями
тоже из их краёв потому что в эти две недели
национальность не имела никакого значения
все они пассажиры *SS Brandenburg* и это их
дом – земля – страна

Ева понравилась молодому сербу
Анастасия – венгру

каждый вечер эти четверо молодых людей
дышали солёным океанским воздухом
их поцелуи были тоже солёными

В Филадельфию *SS Brandenburg* благополучно
доплыл 3 мая 1913 года

все пассажиры облепили поручни на палубе
и рассматривали берег

сначала их выстраивали и пропускали
в соответствии с документами
тщательно проверяя записи
в паспортах и корабельных списках
потом медики проверяли не привёз ли
кто-то из них какой-нибудь болезни:
мужчин и женщин раздевали осматривая их тела

в первый раз молодые целомудренные тела Евы и
Анастасии ощупывали чужие руки
сверлили чужие глаза
на странном языке о чём-то говорили
что-то записывали
окончив эти процедуры их выпустили на берег

– как известно – Ева ехала в Детройт,
а Анастасия оставалась в Филадельфии

серб и венгр исчезли и девушки с ними
так и не попрощались

молча стояли Ева и Анастасия
перед дворцом в Филадельфии

*Через 32 года исчезнет украинское село Дубно
нет оно останется на карте как *Debno*
но всех украинцев за считанные часы посадят
в товарняки и отвезут на Восток
таким образом мой дед по отцовской линии
появится на Тернопольщине с пятью детьми
их поселят в худшей хате с выбитыми
окнами как раз в декабрьскую пору*

*местные долго будут сторониться их: дети
будут передразнивать их говор –
а взрослые искося зыркать в их сторону – приبلуды
чего приехали?*

*когда мой отец женится на моей
матери – местной от деда-прадеда –
то семья матери будет долго сторониться
переселенца-зятя*

*В 1964 году мне повезёт родиться
чтобы впоследствии описать путешествие Евы и
Анастасии на корабле
SS Brandenburg
уже в Нью-Йорке
прибавив несколько скупых семейных пересказов
по линии отца*

*Ева Махно и Анастасия Зень наверное уже умерли
оставшись:
двумя строчками в списке пассажиров
корабля SS Brandenburg
двумя чёрными нитками латинских букв
двумя чёрными полосками дыма*

пеплом и солью

*зелёной золой этого стихотворения
тяжёлым вздохом ночной Атлантики*

Фотография 1969 года

Для фотографии надо было подстричься
– так считал дед и целое семейство –
Поэтому меня привели к соседу –
 он переговариваясь с дедом
 вынес из хаты старое кресло
 старательно вытер его ладонью –
 прикрикнул на кур –
и усадил меня –
 кресло было высокое на тонких ножках
 и мои ноги болтались над землёй –
парикмахер сказал что это кресло кто-то привёз
 то ли из Вены то ли из Кракова
 когда вернулся из Германии с заработков –
 после первой войны.
Он вынул замотанную в белое полотно машинку
несколько раз нажал на серебристые ручки –
 заскрежетали металлические детали –
что-то продул –
 расчесал мои волосы и начал стричь:
или машинка была не смазана
 или он только выдавал себя за умелого парикмахера
но всякий раз когда он –
 словно коршун – нырял в мои волосы
у меня выступали слёзы и не было сил терпеть
 дёрганья этой машинки.
Минут через 15 – измучив меня –
 позволил встать и пощупать остриженную башку –
тогда была такая мода: всё выстригали –
 оставляя лишь клочок волос –
 который называли «гривкой»
Возле венского или краковского стула
 лежали остриженные космы
 в которых уже ковырялись куры.
– я знал о парикмахере почти всё:
 и то что он бросил первую супругу –
 и то что потом нажил ребёнка

с кем-то ещё из своего села –
– и что к нашему прибился недавно –
 женившись на засидевшейся девахе –
 у которой была только старая бабка –
 и недобрая слава.

Из-за этого я не любил у него стричься,
 но дед считал его хорошим мастером.

Дед приглашает его «на сто грамм»
 ведь денег за это никто не берёт
а его некрасивая – но уже на сносях – жена
 наказывает чтобы баба пришла нанизывать табак.

У меня за шеей полно прилипших волос и я всё время
 пожимаю плечами и стряхиваю их ладонью.

В воскресенье – после похода в гости –
 на скотный двор выходит наша ближняя и дальняя родня –
 фотографа ждали долго –
 он опоздал и был не слишком трезвым –
 Всё семейство становится бок о бок –
 чрезвычайно серьёзные – в праздничной одежде
 и пристально смотрят в зрачок фотоаппарата –
 несколько щелчков – и готово.

Но моя баба кричит фотографу
 который собрался было уже уйти:
 надо сфотографировать ещё и малого.

И меня причёсывают – поправляют ворот рубахи –
 дед застёгивает пуговицу под самой шеей
всё семейство советует где лучше встать.

Я выпрямляю – как воин – руки – задерживаю дыхание –
 готово: говорит фотограф.

И ждёт когда его позовут в хату на магарыч.
На каждой детской фотографии я был подстрижен
 и от меня пахло одеколоном.

Конец 60-х:
именно тогда разводились родители –
 кажется – это было в 1968 году.

На берегу реки

Этого берега уже нет – его отрезали
как лопать хлеба к утреннему молоку.

Кое-кто говорит что он превратился в остров
и поплыл против течения – в глубину тумана –
и никто уже больше его не видел
и не будут лежать два мальчика в его шёлковой траве
ведь они – так кажется – до сих пор плывут в его ладонях

Они – эти мальчишки – продираются сквозь заросли
чтобы спрятаться ото всех – и напоминают
двух молодых ужей за ушами которых
жёлтая пыльца одуванчиков

Один из них сегодня стащил у отца три рубля
– зелёную бумажку с цифрами и буквами –
сложенную вчетверо заботливой и бережливой
рукой крестьянина. Другой – жёлтый одуванчик –
тощий подорожник сельских околиц –
серый воробышек в пшенице родительского развода.

У них – лихоедейский праздник – в кармане у первого:
большая шоколадка. Второй – несёт обеими руками
бутылку «Ситра». Они облюбовали место
над берегом реки – в кустах сирени – в лопухах – где пахнет
выстиранным бельём и речною рыбой.

Лежат на берегу и смеются над ротозейством
взрослых.

Не догадываясь: что одного ждёт отцовский кнут
а другого: сочувственный взгляд деда.

Нет уже этого берега и никто не скажет куда
он уплыл. Река изменила русло.
И только из тумана можно услышать:
смех и плач – шоколад и полынь – детства.

«Западный ветер»: почти математические расчёты

два начинающих поэта (и алкоголика?)
разыскали ещё двоих начинающих алкоголиков (и поэтов?)
и назвали себя «Западным ветром»
поддерживая традицию укр. поэзии «Ветер. Украина.
Тычина.»

- в то время в городе где они жили происходили
значительные события:
- 1) постоянно сменялись флаги и это стало причиной
дальтонизма для большинства жителей
 - 2) подрастали малолетние шлюхи а прежние – состарившись
– отправлялись на пенсию
 - 3) греческие католики шли походом на византийских
православцев а может и наоборот
 - 4) цены скакали как акробаты и ощущалась нехватка
алкоголя и сигарет
 - 5) на Театральной площади аматоры от театра продолжали
бесконечную репетицию
 - 6) в то время как актёры сидели с поэтами и художниками
в пивных и хандрили от безработицы
 - 7) события чередовались так быстро что они едва успевали
опорожнить бутылку и опорожниться
 - 8) однажды провозгласили независимость но не пояснили
от кого и от чего
 - 9) снабжение улучшилось но с поэзией дела были
паршивей некуда
 - 10) актёры вернулись в театр художники – в мастерские
а поэты остались в «Музе»

для будущих историков литературы
(официантов которые разносят поэзию
по нумерованным столикам)
разве так уж важно
когда
эти четверо ощутили себя *западным ветром?*

может – потому что только западный ветер дул над их городом?
а может – потому что хотели слить на Запад?
точно не известно и это не зафиксировано

ни в одной из местных хроник
разочаровывая будущих историков литературы

и знатоков родного края
могу рассказать только одно: что именно ощущали поэты
пребывая на том сквозняке под ветрами истории которую
крутило словно флюгер
когда

в жопу клюнул жареный петух

Б.Щ.

- 1) ощущал постоянную нехватку сигарет
- 2) его ломало от постоянного именовании поэтов поэтами
- 3) гнушался членов спилки и членов вообще
- 4) носил в кармане носовой платок – гребешок – и плоский флакончик одеколона

*иногда в сновидениях
среди каменной – как у бульдога –
морды города*

*блуждал в одиночестве шныряя между пивными
не встретив никого из знакомых
считал что поэзия – это спирт
и поэтому не мог насытиться выпивкой*

Г.Б.

- 1) понимал что надо экономить сигареты и поэтому носил по две пачки сигарет в разных карманах: с фильтром – для себя; без фильтра – для знакомых
- 2) громко звал официантов по имени и мурлыкал английские песенки
- 3) писал по два стиха в год и читал из них по одной строчке каждому кого встречал
- 4) бегал за бутылкой когда старшие товарищи уже не смогли бы поднять свои переполненные алкоголем тела

*был ранимым
как тонкая паутинка
знал наизусть «Улисса» и считал что мы
переживаем времена ирландской революции нач. 20 века
поэтому планировал записаться в ИРА
но всегда что-нибудь этому мешало*

В.Г.

- 1) чувствовал постоянный холод даже летом поэтому носил патлы в стиле The Beatles но был лишён музыкального слуха
- 2) с достоинством избегал художников вооружённых кистями и пенсионеров разбивавшихся в живописи
- 3) пил небольшими дозами и не любил читать стихи в компании
- 4) был знатоком метафизической любви и поэтому чувствовал себя метафизиком

*он говорил
что мы – поэты сецессии что мы – проклятые поэты
любил ранний модернизм и всё французское
краски картин лойка и наши более-менее удачные строчки
считал строчками – а поэзию чем-то высшим
но в любом случае не строчками*

про меня они расскажут каждый по отдельности
поэтому – я воздержусь от комментариев –

но будущим историкам литературы
нужно знать что *западный ветер* это
четыре профессиональных алкоголика
четыре начинающих поэта
четыре белых ангела
четыре чёрных мудака
четверо одиноких мужчин
четыре
чашки с чаем
четыре «гранчака»
и одна на всех
поэзия

там возле окна –
споря о поэзии –
сидим-таки мы
кто знает
тот знает

остальное – для историков литературы

Перекраивание истории

Леонид Грабовский выехал в США
и теперь играет на органе в лютеранской церкви
а также торгует в музыкальном магазине
рекомендуя покупателям самые ходовые CD
несколько концертов его музыки
не произвели тут такого впечатления
как написанный (но так и не исполненный в Украине)
концерт начала 60-х

Микола Воробьёв ловил рыбу в Глен Спей
но так ничего и не выловил вернулся на Украину
продолжает исследовать комаров и жуков
изучает язык рыб
и его знания в этой области равняются нулю

а ведь могло быть – что Юрий Тарнавский не приехал бы в США
и наверно бы спился – окончил бы жизнь в наркодиспансере –
положив под подушку любимого Кена Кизи

а Богдан Бойчук – поработав конюхом в колхозе
им. Калинина – так и не знал бы ничего о Нью-Йорке
рифмовал бы что-то печатаясь в «Бучацкой правде»,
переименованной после независимости (слава Богу)
в «Бучацкую волю»

а Богдан Рубчак преподавая в каком-то пединституте
писал бы о революционных мотивах в творчестве Леси Украинки
путая вехи развития модернизма и постмодернизма
пеня на Григория Грабовича и его шевченковедение
а вечерами сидел бы в дешёвой забегаловке и пил дешёвую водку
без закуски потому что на это никогда нет лишней гривны

вместо этого есть Нью-Йоркская группа
Грабовича забрасывают камнями – как блудницу – за Шевченко
поскольку он и его оппоненты говорят на разных языках
и дело не только в том что они не знают английского

к счастью Тарнавский Бойчук Рубчак
бывая в Украине

издают там книги
потому что в *диаспоре* разве что рыжие мыши прочтут их стихи

не стоит перекраивать историю
наверное всё-таки не стоит

Cornelia Street Café

Эльжбета Чижевская распорола каблуком
белый экран 60-х
и пришла на встречу со мной
уже в 2004
– в Нью-Йорке –

вместе с нею приплёлся
сигаретный дым
двух скрученных алюминиевой проволокой
крыльев

они то разрастались
то вообще исчезали
то волочились приспущенные – словно знамёна –
за её плечами

Эльжбета посмотрела на меня
и сделала два очень важных хода:
– придвинула твёрдую коробку с сигаретами –
и отодвинула подальше кофе –

будто мы начали бесконечную
партию в шахматы

и выронила ключ слов
на который закрылись
врата
её прошлого

:говорят что все выезжают
во Францию
ведь там
всё ещё можно курить
в кофейнях

:когда-то там
можно было увидеть
Сартра –
забившись в уголок кофейни
– он пишет –
потому что боится
одинокчества

:эти сигареты
всех нас
прикончат

так думает – но не говорит
вслух

не всё на продажу Эльжбета
не всё:

но какой сквозняк
задувает все наши слова Эльжбета
– эти небрежно рассыпанные зёрна кофе –
– эти наспех записанные стихи –
– эти трепетные зелёные тени – ?

и почему – Эльжбета – всё становится
пеплом
который мы стряхиваем
в мокрую пепельницу?

не это ли осознание
того что ночной Нью-Йорк
ну никак не заменит
ни твоей ни моей жизни

спрячешь – как мятную конфетку –
– в карман – ?

Weekend американской семьи

каждую субботу NN покупает телефонную карточку
как правило в ближайшем Deli Grocery
которым владеют бангладешцы
и экономит один доллар

по дороге он заходит
в магазинчик с алкоголем
покупает
полторалитровую бутылку Absolut'a
и тратит двадцать долларов

каждую субботу NN
опорожнив почти литр

исполняет ритуал
словно брачный танец птиц в низовьях реки
которую он переплыл в надутом пластиковом мешке
со стороны Мексики – семь лет назад –
а потом несколько месяцев отсидел в американской
иммиграционной тюрьме

он набирает
– код страны – код города – и номер телефона –
он знает наизусть эти цифры
въевшиеся как ржавчина

он мог бы и не звонить
но это святое

пока он ждёт соединения
его американская супруга
– нелегалка и ревностная христианка –
– и не менее похотливая самка –
готовит обед

наконец слышно гудки
из чужой жизни

законная жена
– которая вытолкала его за океан

а теперь спит время от времени
с соседом
– жена которого
тоже нелегалит
в Италии –

всё время жалуется на
плохую телефонную
связь

перебросившись
о здоровье
детях
и деньгах

ничего не желают
друг другу
и ничего не требуют
друг от друга

в последние два года у них
в разговорах нет даже намёков
на словесную эротическую игру
ну – каких-нибудь намёков –
каких-нибудь словесных знаков
известных – как правило – только
им двоим

сухо:
о деньгах
детях
здоровье

закончив
разговор NN тупо смотрит
на жёлтую стену
любимый цвет
домохозяина

а его американская супруга
уже набирает номер телефона

чтобы дозвониться
к себе домой

как всегда отдаёт распоряжения
мужу
расспрашивает
про детей и внуков

и тихо –
– чтобы не слышал NN –
выплачется в сито трубки
с дочерью

а потом они
долго занимаются сексом

гип-гоп
за это вырванное с мясом сердце;
за желание жить по-людски;
и за жизнь
как получится

гип-гоп
за это добровольное тюремное заключение;
за этот one way ticket;
за эти заработанные деньги;
за эти погибшие чувства;

за это
никому не нужное
жертвоприношение

гип-гоп

гип-гоп

гип-гоп

Чарльз Буковски

этот старик в футболке и джинсах сидит на улице
и приглаживает за товарами магазина «99 центов»
он напоминает мне чарльза буковски:
такое же изрытое угрями лицо – широкий рот –
и рядом в бумажной сумке
бутылка пива которую он время от времени засовывает себе в рот
как саксофонист мундштук
или как шлюха из романа буковски «женщины» член чинаски
но это всего лишь моё предположение
чарльз был конечно же круче
этого старикана
ну а может и нет
может этот старик тоже выпил цистерну водяры
перемахал две сотни баб
переболел всеми французскими болезнями
и после этого дал дёру из союза в америку
сел на вэлфер а также на стул возле этого магазина
получает несколько сотен в месяц наличными
не платит налогов
и не плачет над своим прошлым и – тем более – настоящим
с женой он развёлся
детей и внуков не видел уже несколько лет подряд
а на хера?
иногда его потешит молодая нелегалка из его дома
а что старику ещё надо?
и что он ещё хотел бы? да он и сам не знает
ручаюсь что он не читал чарльза буковски
а на хера?

Бедные китайцы

на рассвете китайские женщины
после утренней гимнастики
требующей концентрации

не только тела но – что важнее – духа

исполненные цитат конфуция и – во что не верится – мао

отправляются в великий поход
– длиннее великой китайской стены –
и трудней изнурительных военных походов
описанных ду фу

поход в поисках металлических банок
за каждую из них автомат выплёвывает 5 центов

женщины привыкшие мокнуть в заболоченных рисовых полях
стойко переносят неприятный запах
банок из-под пива и кока-колы
которые всегда можно найти

в больших пластиковых мусорниках

стоицизма им придаёт конфуций
пережитые времена культурной революции
и природная китайская ретивость

часами по улицам движутся большие пластиковые мешки
завязанные на предплечьях
так же как на акварелях
когда склонённая – над всходами риса
с мотыгой – женщина
держит на спине в полотняном
мешке ребёнка

они – эти китайские пчёлы –
слетевшиеся со всего мира
пить мёд нью-йоркского
воздуха

перенасыщенного бензином и смрадом
ресторанных помоев
очищать его неутомимыми
крыльями гудящими как пропеллеры
эти маленькие дракончики
китайской мифологии трепещущие возле океана
когда задувает сильный ветер

тарахтят металлические банки в мешках
сыплются пятицентовые монеты
мелькают китайские пчёлы
с узкими глазами
и кожей как пальцы ювелира

хорошо что у них был конфуций

сковорода нас этому не научил

Пекинская опера

в Пекинской опере актёры
посажены белыми лотосами на равнинах
и полях сцены

или выстроены тысячным войском
раннего периода такой-то династии
ещё не пришедшей в упадок

или красной линией импрессионистского мазка
обозначившей подвижное тело дракона

или пением птиц в низовьях реки
окутанной прозрачным шёлком
тёплого утреннего тумана

несколько молодых китайцев перебрасываясь
английскими фразами

курят привезённые контрабандой
дешёвые сигареты из Китая

возле плаката рекламирующего
гастроли Пекинской оперы

и договариваются
по мобилкам с подружками
в какой сегодня наведаются
танцевальный клуб

а китайская актриса Пекинской оперы
отмахивается веером
от их сигаретного дыма

наверняка выделяется

музыка одна лишь музыка спасёт мир
но почему больше исполнителей
чем слушателей – пустых шляп у музыкантов
и толстых кошельков у прохожих
– музыка утончает вкус –
– и доводит до полного отупения –

ох как ритмично
лупит по алюминиевым банкам
улыбчивый белозубый парень с окраин Гарлема

Hi, baby – он здороваётся
со студенткой New York University
и ещё ритмичней жонглирует палочками –
ещё белозубей улыбается –

как выброшенный на берег кит –
по-змеиному изгибая натренированное лоснящееся тело
Hi, baby – с этого он начинает сочинять

текст импровизированной песни
и жилы на его шее становятся грубыми
как корабельные канаты –

а глаза напоминают выпуклые буркалы полинезийской черепахи
Hi, baby – и поглаживает шероховатое тело пластикового ведра

о нет – он не одинок – этот уличный художник –
– этот живописец столбов –
чего ему не хватает чтобы купить полотно –
или он правда желает разрисовать
окраину East Village

его расцветшие стволы фонарей
знакомые лозунги американских коммунистов

анархисты ищущие гармонию
в учениях своих предшественников

музыкальное издательство «Carl Fisher. Since 1872»
оставившее музыкантов без нот и партитур

и самый безопасный парень
с окраин Гарлема со своим хитом
Hi, baby

пуская – словно нефть –
змеиную отраву своих слов –
цыркающая слюной сквозь редкие зубы –
Hi, baby

на фоне 20 портретов Andy Warhol'a
и огромной фотографии Marilyn Monroe
(когда ветер вздувает её белое платье) –
а интеллектуальные очки Arthur'a Miller'a
как две плоскости кона –
моделируют это представление
в котором нет ни драматурга ни режиссёра

вот и экспериментальный театр La Mama
который каждый новый сезон обещает закрыться
навсегда
из-за долгов

начал ремонт своих репетиционных помещений

в котором *бурятские бубны* или же *парадоксы ружевича*
собирают публику как музыканты в подземных переходах
и выручки от распроданных билетов
хватает разве что на сабвей
до своего дома

СОДЕРЖАНИЕ

Частный комментарий к истории	3
когда-то ты блуждал по холмам...	4
Хроника путешествий муравьёв-библиофилов	5
Флейта	6
Нитка	7
9/10...	9
Совет как лучше записывать стихи	12
украинский поэт...	14
Кастраты	16
О Гамлете	18
Smoking room	20
Прощание с иллюзиями	23
Автомобильная эротика	25
Шляпа Никиты Стэнеску	26
Землетрясение	28
Dacia 1300	30
SS Brandenburg 1913 год	31
Фотография 1969 года	35
На берегу реки	37
«Западный ветер»: почти математические расчёты	38
Перекраивание истории	42
Cornelia Street Café	44
Weekend американской семьи	46
Чарльз Буковски	49
Бедные китайцы	50
Пекинская опера	52
Astor Place	53

Махно Василь

М36 Частный комментарий к истории / перевод с украинского
Станислав Бельский. – Днепр : Герда, 2018. – 58 с.
ISBN 978-617-7097-87-6

В книге переводов известного украинского поэта Василя Махно представлены стихи из сборников «Плавник рыбы» (2002), «38 стихотворений о Нью-Йорке и кое-что другое» (2004), «Cornelia Street Café : новые и избранные стихотворения» (2007), «Зимние письма» (2011), объединённые темами исторической, личной и культурной памяти. Истоки поэтики Василя Махно – не только в непосредственном обращении к художественному опыту поэтов «расстрелянного возрождения», но и в ориентации на лучшие достижения европейской и американской поэзии XX века.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

МАХНО Василь

ПРИВАТНИЙ КОМЕНТАР ДО ІСТОРІЇ

Переклад з української: Станіслав Бельський

(російською мовою)

Обкладинка: Олена Левська

Світлина на обкладинці: Anatoliy Babiychuk/Bildrecht

Макет та верстка: Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура PartnerCondensed
Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,6. Тираж 200 прим. Замовлення № 02/18

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.

ISBN 978-617-7097-87-6

